

П. П. ЧЕРВИНСКИЙ И В. П. ВОРОНЦОВ О НОВЫХ ЗАДАЧАХ НАРОДНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕРЕДИНЫ 1870-х ГОДОВ

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 декабря 2023 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме эволюции народнической мысли после неудачного хождения в народ в 1874–1875 гг. Анализируются взгляды молодых народнических публицистов П. П. Червинского и В. П. Воронцова, а также их идейных противников на новые задачи русской интеллигенции. Выясняются особенности интерпретации проблемы взаимоотношений интеллигенции и народа в идеологии зарождающегося тогда культурного народничества. Уточняются причины, по которым первым сложившимся идеологом умеренного правого народничества следует считать И. И. Каблицу.

Ключевые слова: П. П. Червинский, В. П. Воронцов, народники-культурники, интеллигенция и народ, «культурная работа».

Abstract: the article is devoted to the problem of the evolution of populist thought after the unsuccessful movement among the people in 1874–1875. The views of young populist publicists P. P. Chervinsky and V. P. Vorontsov, as well as their ideological opponents, on the new tasks of the Russian intelligentsia are analyzed. The peculiarities of the interpretation of the problem of the relationship between the intelligentsia and the people in the ideology of the then emerging cultural populism are clarified. The reasons why I. I. Kablitsa should be considered the first established ideologist of moderate right-wing populism are clarified.

Key words: P. P. Chervinsky, V. P. Vorontsov, populists-culturalists, intelligentsia and people, «cultural work».

История русского народничества содержит немало переломных моментов, когда интеллигентская мысль оказывалась в состоянии затяжного идейного кризиса. Один из наиболее острых таких кризисов народники пережили в середине 1870-х гг. после знаменитого «хождения в народ». Именно в это время народничество раскалывается на две свои главные фракции: революционных и легальных народников.

В данной статье мы рассмотрим процесс размежевания народнических течений на примере двух молодых представителей так называемого «культурного» или «культурнического» народничества – П. П. Червинского и В. П. Воронцова. История становления идеологии культурного народничества, акцентирующего внимание интеллигенции на «культурной работе» в народе, уже давно привлекает внимание исследователей [1–3]. Но вклад в этот процесс Червинского и Воронцова нуждается в дальнейшем изучении. Как и вопрос о том, почему первым идеологом данного течения следует считать И. И. Каблицу, а не, скажем, П. П. Червинского, который заговорил о необходимости развития культурной самобытности народа раньше других народников.

«Хождение в народ» 1874–1875 гг. обнаружило, что интеллигенцию и народные массы разделяют не

столько внешние препятствия в виде социальных перегородок и «полицейских рогаток», сколько разное отношение к окружающей жизни и друг к другу, почти полное взаимное незнание и непонимание. Преодолеть это внутреннее отчуждение и порождаемое им недоверие силой убеждения (на что изначально делалась ставка идеологами революционного народничества) было практически невозможно.

К чести радикальной интеллигенции, большая ее часть решила остаться в народе, чтобы учесть свои ошибки и вновь попытаться поднять его на революцию, т. е. сохранила верность главному тактическому принципу народников 1870-х гг.: «все для народа и через народ». Но нашлись и те, кто разуверился в возможности народной революции, убедившись в том, что народ весьма далек от мысли об улучшении своего положения путем радикальных социальных и политических преобразований.

Одним из первых таких народников был Петр Петрович Червинский (1848–1931) – известный в будущем земский статистик и почвовед [4; 5].

Петр Червинский происходил из дворян Черниговской губернии. Учился в Полтавском кадетском корпусе и Константиновском артиллерийском училище в Санкт-Петербурге. Но, не желая становиться военным, в 1868 г. оставил училище и поступил в Земледельческий и лесной институт. Осенью 1870 г., находясь на 3-м курсе обучения, Червинский организовал студенческие чтения по политическим вопро-

сам, выступив с докладами «О выгодах и невыгодах общинного и частного владения землею» и «О парламентном делопроизводстве». И еще четыре доклада были посвящены Н. Г. Чернышевскому [6, с. 171]. Очевидно, что к этому времени Червинский уже убежденный народник.

В ноябре 1870 г. Червинский принял активное участие в волнениях студентов против ограничения их прав. 1 декабря он был арестован вместе с другими студентами и поддержавшим их профессором А. Н. Энгельгардтом. При обыске у Червинского обнаружили «записки и заметки о бывших революциях и о покушениях на коронованных особ». С 15 по 26 декабря того же года Червинский, как «опасный» политический преступник, содержался в Петропавловской крепости [7, стб. 1937].

За «враждебное политическое настроение» Червинского на пять лет сослали в г. Холмогоры Архангельской губернии. Здесь он получил возможность заняться самообразованием (в частности, изучить «Капитал» К. Маркса), и главное, лучше узнать тот самый народ, во имя которого он пожертвовал своей свободой. В итоге революционный пыл юноши заметно ослаб.

В 1875 г. Червинский вернулся в Петербург с тем, чтобы закончить институт. Тогда же началось его сотрудничество в газете «Неделя», на страницах которой он сформулировал свое новое кредо: в постановке задач русской жизни исходить не из интеллигентских теорий, а из насущных потребностей народа, которые может определить только он сам. Этой теме Червинский посвятил несколько статей с говорящими названиями: «Наша национальная особенность», «Отчего безжизненна наша литература?», «От себя или от деревни?» и др.

Исходный посыл Червинского: русская интеллигенция не знает своего народа. А истинная причина этого – ее «оторванность от жизни, книжность идеалов и стремлений» [8, стб. 1429].

«Новое слово» публициста «Недели», попытавшегося открыть интеллигенции глаза на ее роль в русской жизни, сводится к трем тезисам.

Тезис № 1. Невозможность развития капитализма в России (как в Европе) по причине существования крестьянской общины. Благодаря общине крестьянство сохраняет связь с землей – главным источником его существования. А если у народа есть земля, то невозможна его пролетаризация. А без появления пролетариата нет почвы для развития в стране капитализма. (Все эти умозаключения Червинского основываются на книге «немецкого еврея», т. е. К. Маркса.) Отсюда логичный вывод публициста: для России невозможно двигаться тропой, проторенной остальной Европой, у нее всегда и впредь будет иной путь развития, который, благодаря общине, приведет ее к

социализму. Неслучайно Червинский назвал помещичью общину нашей главной национальной особенностью, а также «палладиумом» России, на котором написано «сим победише» [там же, стб. 1427; 9, стб. 1013, 1016].

Тезис № 2. Превосходство деревни над городом как главная отличительная особенность русской жизни. Это в Европе деревня – символ застоя, а город – прогресса. В России предпосылки для более прогрессивного общественного устройства следует искать не в городе с его индивидуализмом и нравственной разобщенностью между людьми, а в деревне, сохранившей (благодаря общине) принцип солидарности и нравственные связи. Поэтому «центр тяжести общества у нас в крестьянстве», а не в верхних его слоях. И если деревня получит, наконец, возможность развиваться самостоятельно, то наше крестьянство «способно дать совершенно новый отпечаток всей цивилизации страны» [8, стб. 1432–1433; 9, стб. 1011, 1017].

Тезис № 3. Необходимость духовного слияния интеллигенции с народом-почвой, так сказать, возвращения домой, в родную гавань. Если русская интеллигенция действительно желала посвятить себя служению народу, то она должна была перестать «мудрить» над его жизнью по иностранным образцам и книжкам, т. е. вести народ к идеалам, выработанным на Западе. Русская жизнь, по убеждению Червинского, ставила перед интеллигенцией совершенно другие задачи: возвышение земледельца до уровня цивилизованных потребностей, развитие народного сознания за счет обогащения его положительными знаниями о мире, обществе и о себе, восстановление *культурной самобытности* народа-пахаря как залога его дальнейшего самостоятельного развития [8, стб. 1429; 9, стб. 1009, 1018]. Главный вывод Червинского: интеллигенции следовало не учить крестьян «книжной правде жизни», уже отвергнутой ими во время «хождения» молодежи по градам и весям российской глубинки, а, наоборот, учиться у народа общинности, нравственности и коллективизму [8, стб. 1432; 10, стб. 316, 318].

Статьи Червинского в «Неделе» 1875–1876 гг. произвели на читателей очень сильное впечатление. По выражению Н. К. Михайловского, они «не дают никому спать», «о них говорят, спорят, от них проходу нет» [11, стб. 738, 739]. Дело в том, что призыв Червинского учиться мыслить по-русски, по-мужицки, т. е. брать понимание задач народной жизни у самого народа, означал серьезное отступление от заветов шестидесятников (Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других учителей и наставников передовой русской интеллигенции). Неслучайно против «Недели» выступила целая когорта прогрессивных публицистов, включая видного идеолога рево-

люционного народничества П. Н. Ткачева [12]. Именно он первым причислил «П. Ч.» (один из псевдонимов Петра Червинского) к «почвенникам новейшей формации», т. е. поставил его в один ряд с Ф. М. Достоевским, призывавшим интеллигенцию преклониться перед народом и его правдой [13, с. 44–45]. Современные исследователи также относят Червинского к народникам-почвенникам, подчеркивая тем самым консервативную сущность его социализма [3, с. 180–181].

Интересно, что сам Червинский выбрал для ответа оппонентам только одного из них – Н. К. Михайловского, ведущего публициста «Отечественных записок» [14; 15]. К. В. Зенкова верно подметила, что в позиции двух народников было нечто такое, что позволяло им вести между собой конструктивный диалог, а не словесную перепалку [16, с. 52–53]. В отличие от других критиков Червинского, Михайловский не отрицал исходного тезиса народников-культурников: корень проблемы взаимоотношений интеллигенции с народом в существовании между ними глубочайшей социальной и культурной пропасти, на преодоление которой должны быть направлены главные усилия передового общества [11, стб. 701].

Михайловский соглашался с тем, что интеллигенции следовало не только развивать народный ум, но и учиться у народа его умению жить в коллективе и решать свои общественные дела сообща, всем миром. Только он понимал это взаимодействие не как механический обмен знаний интеллигенции на народную нравственность. По убеждению Михайловского, брать у народа надо было не все, а только то, что соответствовало общечеловеческим идеям и нравственным ценностям. Нельзя «заикливать» на идею особого национального пути русского народа, предупреждал публицист, так как в будущем исторические пути Европы и России непременно соединятся [там же, стб. 773, 774, 776, 778, 798–799].

Полемика между народником-культурником П. П. Червинским и будущим народником-политиком Н. К. Михайловским – это первое серьезное противостояние в правом, реформаторском народничестве, свидетельствующее о начале формирования его правого и левого флангов. Первый из них складывался вокруг газеты «Неделя», другой – в «Отечественных записках».

В 1876 г. Червинский переехал на свою родину в Чернигов, где стал сначала сотрудником, а потом заведующим статистическим бюро губернского земства. Новая реальность, видимо, опять повлияла на его взгляды. В 1878–1879 гг., на волне политизации народнического движения, Червинский принял участие в черниговском революционном кружке [17, с. 570]. С этого времени явное полевание замечается

и в его публикациях. В 1880 г. в «Отечественных записках» (!) вышла большая статья публициста «Экономические скитания» (№ 6, 7), посвященная крестьянам-отходникам, а в конце того года в «Неделе» статья «На что надеяться?», в которой он фактически признал необходимость борьбы за свободу мысли и слова [18, стб. 1651–1652].

Неутешительные итоги «хождения» интеллигенции «в народ» повлияли на взгляды не только Червинского, но и всех будущих теоретиков культурного народничества, чье мировоззрение формировалось в 1870-е гг. Одним из них был видный народнический экономист Василий Павлович Воронцов (1847–1918) [19].

Отец Воронцова принадлежал к мелкопоместному дворянству Екатеринославской губернии. Первоначальное образование Василий получил на дому, что не помешало ему в 1868 г. поступить в Медико-хирургическую академию и в итоге стать врачом. Годы учебы ознаменовались активным участием Воронцова в студенческих беспорядках, за что его дважды (с 15 по 29 марта 1869 г. и с 18 по 29 марта 1870 г.) помещали в срочную тюрьму [20, с. 160, 161].

С самого начала Воронцов был идейно близок к чайковцам, т. е. к народникам-пропагандистам. Но от вступления в их общество (кстати, созданное его лучшим другом – Марком Натансоном) отказался, мотивируя это тем, что в русских условиях подпольная революционная деятельность, «не давая реальных результатов, всегда лишь усиливает реакцию и сокращает возможность культурной работы в народе» [21, с. 100].

В 1874 г. Воронцов поступил на службу земским врачом Белоцерского уезда Новгородской губернии, продолжая поддерживать связи с революционным подпольем, а в 1876 г. стал тайным корреспондентом газеты «Вперед!», издаваемой за границей П. Л. Лавровым. Его идее превращения народа в подлинного субъекта истории путем просвещения Воронцов сочувствовал со студенческих лет. Известно, что зимой 1873/74 г. для пропаганды «лавризма» Воронцов ездил в Киев в один из близких к чайковцам кружок молодежи. Впрочем, тогда его полемика с В. Дебагрием-Мокриевичем, который воздействовал на членов кружка со стороны анархистов, успеха явно не принесла. Даже родная сестра Воронцова Мария Ковалевская придерживалась чисто анархических взглядов [22, с. 33].

Отношение в революционных кругах к идее предварительного просвещения народа изменилось после неудачного «хождения в народ», когда сами «бунтари» убедились в неготовности народа к длительной и упорной борьбе против существующего государственного порядка. Причины этого трагического для революционной партии положения Воронцов попытался

объяснить на страницах газеты «Вперед!» (№ 31 от 15/3 апреля 1876 г.).

Статья Воронцова называлась «По вопросу об условиях революции в России» и была направлена против сторонников организации всенародного бунта. В данном случае речь шла о социальной революции, осуществляемой «через посредство народа». А следовательно, вопрос о готовности к ней народных масс имел для нарождающейся революционной партии принципиальное значение.

По мнению автора, «суть революции заключается не во внешнем волнении, а в известном умственном настроении». На основе анализа характера крестьянских движений, включая самые крупные (под руководством Ст. Разина и Е. Пугачева), Воронцов констатирует тот факт, что все они совершались во имя царской власти, т. е. были «консервативны по духу». Народ, пишет начинающий публицист, до сих пор не осознает своей силы, а главное, не считает себя вправе восстать против власти, дарованной свыше [23, с. 9, 11–13].

При таких условиях, заключает Воронцов, революционная партия не может произвести социальную революцию. А потому ее главная задача – «положить начало умственной реорганизации народа». Но и дело распространения революционных идей в народе партия интеллигентов не может взять исключительно на себя, так как она никогда не будет велика. Поэтому революционная интеллигенция должна «допустить распространение этих идей в среде самого народа от одного его члена к другому и надеяться лишь на это распространение» [там же, с. 21]. Очевидно, что этот подготовительный период мог растянуться на несколько десятилетий. До тех пор, пока *критическая мысль* в народе разовьется до такой степени, что он будет способен выступить на поприще общественной деятельности в качестве самостоятельной общественной силы [там же, с. 25].

Иными словами, Воронцов видит смысл существования революционной партии в необходимости освобождения народа от «привилегированной» интеллигенции. Лучшая услуга, какую интеллигенция может оказать народу, – это «сделать его независимым от нее, передать ему в руки то оружие (автор имеет в виду просвещение. – Г. М.), которым до сих пор пользовались только его эксплуататоры» [там же, с. 26]. Публицист так прямо и написал: идеалом партии интеллигенции должно быть «самоуничтожение» [там же, с. 24].

Ставя перед радикальной интеллигенцией столь амбициозную задачу (сделать народ не объектом, а субъектом общественной жизни, не нуждающимся ни в какой партии для устройства своих дел), Воронцов предвидел возражение: мол, экономическое положение народа так плохо, что ему не до просвещения

и не лучше ли направить свои усилия на эту экономическую язву, чтобы расчистить дорогу для более свободного умственного развития. Ответ публициста столь же категоричен, что и все его рассуждения: «народ способен критически мыслить и при теперешнем своем положении и требует от нас мысли вообще, а не одной только социально-революционной» [там же, с. 25–26]. В то же время призыв Воронцова «налечь преимущественно на общественно-экономическое миросозерцание народа» на том основании, что «на почве экономической будут произведены ближайшие реформы», обличает в нем будущего экономиста и идеолога культурного народничества [там же, с. 25]. В 1882 г. Воронцов издал свою первую книгу «Судьбы капитализма в России», между прочим, состоящую из статей, ранее помещенных в «Отечественных записках».

Статья Воронцова не получила такого общественного резонанса, как откровения Червинского в «Неделе». Быть может, потому, что была опубликована в подпольной печати. Нам известен только один отклик. В том же номере газеты «Вперед!» П. Л. Лавров изложил свои возражения «товарищу по делу». И касались они отнюдь не возможности просвещения народа в пореформенной России, а вопроса, по которому у Воронцова не было никаких сомнений.

По словам Лаврова, основной тезис его неизвестного корреспондента о «будто бы монархическом миросозерцании русского народа» означает, что «социальная революция в России невозможна не только в настоящую минуту, но даже в ближайшем будущем» [24, стб. 195–196]. А это уже подкоп под основание доктрины революционного народничества. Поэтому Лавров ставил под сомнение научность применяемых Воронцовым методов и, следовательно, объективность полученных им выводов. Во-первых, писал редактор газеты «Вперед!», для доказательства своей теории Воронцов выбирал из истории только факты, подтверждающие его взгляды, и игнорировал события, которые им противоречат. Во-вторых, изучая современное состояние народного сознания, он апеллировал к далекому прошлому и даже не допускал мысли, что монархическое миросозерцание имело все шансы измениться. И, наконец, выводы о целом миросозерцании народа Воронцов делал, основываясь на отрывочных представлениях отдельных его фракций «о праве и несправии». Тогда как в народе имели место различные взгляды. К примеру, раскольники обвиняли царскую власть в служении антихристу, что обязывало их к борьбе с ней. Таким образом, по убеждению Лаврова, тезис Воронцова о монархическом миросозерцании «прямо противоречит всем эмпирическим и теоретическим выводам антропологии, социологии и истории, относящимся к рассматриваемому предмету» [там же, стб. 198–204].

Интересно также замечание Лаврова о том, что опровергать подобные ошибочные суждения обязан всякий социалист-революционер или он должен оставить свой лагерь [там же, стб. 194].

Таким образом, в середине 1870-х гг. в народническом лагере наметились серьезные разногласия как в выборе стратегии освобождения народа (революция или путь мирных преобразований), так и в тактике действий радикальной интеллигенции (борьба с самодержавием или культурная работа).

Статьи П. П. Червинского и В. П. Воронцова свидетельствуют о начале формирования идеологии культурного народничества, которое характеризуется, во-первых, отказом от идеи насильственного перехода к социализму через народную революцию, ввиду неготовности народа, а во-вторых, недоверием к руководящей роли интеллигенции из представителей господствующих классов и акцентированием внимания на развитии самосознания и самостоятельности народных масс.

Сравнительный анализ взглядов на задачи интеллигенции наших первых народников-культурников позволяет выявить не только сходства, но и серьезные разногласия между ними в отношении задач так называемой «культурной работы». Если П. П. Червинский ставил во главу угла развитие культурной самобытности народа, т. е. укрепление крестьянской общины, то В. П. Воронцов считал главной задачей интеллигенции умственную реорганизацию масс и воспитание народной интеллигенции. Позже эти разногласия привели к расколу умеренно правого народничества на правое и левое крыло [25].

Дальнейшее развитие народнического движение привело к появлению у народников-культурников и своего первого идеолога. Им стал Иосиф Каблиц – тот, кто первым бросил вызов Н. К. Михайловскому и отгородился от «Отечественных записок» с их формулой «все для народа, но без народа» (т. е. путем политической борьбы с самодержавием). Неслучайно ядром идеологии культурного народничества считается выдвинутая на рубеже 1870/80-х гг. Каблицем теория «малых дел» как реакция крайне правых публицистов «Недели» на политизацию народничества [26]. Ни Червинский, ни Воронцов социологическим обоснованием культурнической (аполитичной) интерпретации народничества не занимались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О. В. Зачатки культурного народничества в 70-х годах (кружок студентов Земледельческого института) / О. В. Аптекман // Историко-революционный сборник : в 3 т. Т. 1. – М. ; Пг., 1924. – Стб. 9–36.
2. Балувев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков / Б. П. Балувев. – М. : Наука, 1995. – 267 с.
3. Зверев В. В. Русское народничество : учеб. пособие / В. В. Зверев. – М. : РАГС, 2009. – 286 с.
4. Козьмин Б. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта» / Б. П. Козьмин. – М. : Изд-во политкаторжан, 1933. – 289 с.
5. Оноприенко В. И. Чирвинские / В. И. Оноприенко, М. В. Оноприенко. – М. : Наука, 2008. – 303 с.
6. Ткаченко П. С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. / П. С. Ткаченко. – М. : Мысль, 1978. – 245 с.
7. Червинский Петр Петрович // Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь : в 5 т. Т. II, вып. 4. – М. : Изд-во политкаторжан, 1932. – Стб. 1937–1938.
8. [Червинский П. П.] П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? / П. Ч. [П. П. Червинский] // Неделя. – 1875. – № 44. – Стб. 1427–1433.
9. [Червинский П. П.] П. Ч. Наша национальная особенность / П. Ч. [П. П. Червинский] // Неделя. – 1875. – № 31. – Стб. 109–1019.
10. [Червинский П. П.] П. Ч. Интеллигенция и деревня / П. Ч. [П. П. Червинский] // Неделя. – 1876. – № 9 и 10. – Стб. 316–320.
11. Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 3 / Н. К. Михайловский. – СПб. : Русское богатство, 1897. – 904 стб.
12. Ткачев П. Н. Избранные сочинения на социально-политические темы : в 7 т. Т. 4 / П. Н. Ткачев. – М. : Изд-во политкаторжан, 1933. – 462 с.
13. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 22 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1981. – 407 с.
14. [Червинский П. П.] П. Ч. От себя или от деревни? / П. Ч. [П. П. Червинский] // Неделя. – 1876. – № 2. – Стб. 61–64.
15. [Червинский П. П.] П. Ч. Нашим критикам / П. Ч. [П. П. Червинский] // Неделя. – 1876. – № 34 и 35. – Стб. 1118–1131.
16. Зенкова К. В. Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов / К. В. Зенкова // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. – Петрозаводск, 1967. – Т. 18. – С. 48–58.
17. Телицын В. Л. Червинский Петр Петрович / В. Л. Телицын // Общественная мысль в России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – М. : Политическая энциклопедия, 2005. – С. 569–571.
18. Червинский П. На что надеяться? / П. Червинский // Неделя. – 1880. – № 50. – Стб. 1647–1653.
19. Зверев В. В. Роль В. П. Воронцова в эволюции народнической доктрины (вторая половина XIX – начало XX в.) : учеб. пособие / В. В. Зверев. – М. : РУДН, 2023. – 420 с.
20. Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов в общественном движении 1870-х гг. / Г. Н. Мокшин // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – начале XX века : сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – С. 158–169.

21. *Чарушин Н.* Что было на собрании у профессора Таганцева / Н. Чарушин // Каторга и ссылка. – 1925. – Кн. 15. – С. 99–102.

22. [Ковалик С. Ф.] *Старик.* Движение семидесятых годов по Большому процессу (193-х) / Старик [С. Ф. Ковалик] // Былое. – 1906. – № 11. – С. 30–77.

23. [Воронцов В. П.] *В. В.* От семидесятых годов к девятисотым : сб. ст. / В. В. [В. П. Воронцов]. – СПб. : Общественная польза, 1907. – 236 с.

24. [Лавров П. Л.] *Народное мирозерцание и социальная революция* / [П. Л. Лавров] // Вперед! – 1876. – № 31. – Стб. 193–206.

25. *Мокшин Г. Н.* Типология течений культурного народничества / Г. Н. Мокшин // Вестник Омского ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2020. – Т. 7, № 4 (28). – С. 14–23.

26. *Харламов В. И.* Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников / В. И. Харламов // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. : межвуз. сб. науч. тр. – М. : Прометей, 1990. – С. 93–112.

Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
E-mail: mok410@mail.ru

Voronezh State University
Mokshin G. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Russian History Department
E-mail: mok410@mail.ru